И. З. СЕРМАН

К ПОРТРЕТУ УЧЕНОГО

Наша историко-литературная наука очень молода, ей немногим более ста лет, если вести, условно конечно, ее родословную от диссертации А. Н. Пыпина «Очерк литературной истории сказок и повестей русских» (1858); ее «история» укладывается в жизненные сроки четырех человеческих поколений, но, может быть, именно эта относительная «молодость» помогла ей почти сразу же взять мощный разбег. Русскую историко-литературную науку создавали Буслаев, Тихонравов, Пыпин, Веселовский — замечательные люди, в деятельности которых счастливо соединялось титаническое трудолюбие с широтой и смелостью мысли, уважение к критически проверенному литературному факту с тяготением к широким историческим обобщениям и построениям. Прямо или косвенно, но общественный подъем 1850—1860-х годов отразился на их научной деятельности, сообщив ей ту масштабность, ту значительность, без которой невозможна истинная наука. Одно из методологических правил этой науки недавно напомнил нам советский историк: «Никакое глубокомыслие и никакое остроумие не могут возместить незнания фактов».[1]

Во всем своем историко-литературном творчестве Павел Наумович Берков следует основным традициям русской историко-литературной науки ее «классического» периода, в том числе и только что приведенному методологическому правилу, как ни велики могли быть иногда соблазны эффектного допущения или стремительной гипотезы. Широкая образованность и глубина филологических познаний Павла Наумовича (в Венском университете он серьезно занимался египтологией) являются той основой, на которую опирается он как исследователь в самых различных областях советской филологии.

Публикатор и текстолог, библиограф и автор работ по методике литературоведческого труда, ставших настольными книгами

---

[1] С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины. Изд. АН СССР, М., 1963, стр. 11.

молодых пополнений нашей науки, фольклорист, историк театра — таков диапазон его исследовательских увлечений. Но прежде всего Павел Наумович — историк русской литературы от первых веков ее существования до Брюсова и Куприна, до литературы народов СССР включительно.

И все же среди этого обширного круга научных дисциплин, в каждую из которых Павел Наумович внес нечто свое, весомое, интересное и значительное, особое место занимает история русской литературы XVIII в., — наука, созданная как самостоятельная дисциплина на рубеже 1920—1930-х годов советскими учеными.

Павел Наумович — бесспорно наш лучший исследователь и знаток русской литературы XVIII в., является одним из создателей этой науки. Его научная биография неотделима от истории советской науки о литературе XVIII в., а его работами отмечены важнейшие вехи ее развития. Читая работы Павла Наумовича не в последовательности их появления, а в хронологии литературного движения XVIII столетия, мы как бы перелистываем страницы большой истории русской литературы XVIII в., создание которой кажется непосильным делом для одного человека. От Симеона Полоцкого и до Карамзина нет сколько-нибудь заметного или почему-либо интересного деятеля русской литературы XVIII в., о котором Павел Наумович не сказал бы своего, всегда точного, дельного и свежего слова. В русской литературе XVIII в., в творчестве ее великих деятелей и в скромной переводческой работе безвестных литераторов-профессионалов Павел Наумович видит выражение художественно-идеологической жизни нации. Каждый историко-литературный факт XVIII столетия, от сатир Кантемира до «Писем русского путешественника», воспринимается им как выражение живых, человеческих интересов, страстей и чувств людей XVIII в. Не книги, а люди, творцы этих книг, — поэты, прозаики, переводчики, составители, журналисты, — словом, все многочисленные подразделения многоликой армии литераторов и ученых, создававших русскую культуру XVIII в., являются постоянным предметом исследовательского интереса Павла Наумовича, оживают на страницах его работ. Об этом лучше всего сказал он сам: «Я глубоко убежден, что, когда мы говорим, что любим книгу, мы не осознаем того, что любим умного, доброго, человечного автора, создавшего ее, любим его героев, увлекающих и волнующих нас своими прекрасными человеческими качествами... Любя книгу, мы любим явление культуры определенной эпохи, любим те сгустки человеческого ума, чувства, воли, которые проявились в содержании и форме книги».[2]

Это неразрывное соединение любви к литературе с преданностью научной истине и уважением к факту пронизывает все работы Павла Наумовича и кладет на них особый отпечаток его

---

[2] П. Н. Берков. О людях и книгах. Изд. «Книга», М., 1965, стр. 7—8.

личности, его склада ума и темперамента. За всеми его работами живо ощущается личность ученого, с его неповторимыми чертами, с ее живым обликом, с увлечениями, пристрастиями, с мужеством гражданина и борца. И потому научное творчество Павла Наумовича производит впечатление внутреннего единства, несмотря на обилие работ и поразительную широту их тематики. Павел Наумович всюду верен себе и в таких фундаментальных исследованиях, как «Ломоносов и литературная полемика его времени» (1936), «История русской журналистики XVIII века» (1952) или «История русской комедии XVIII века» (опубликована только частично), и в таких этюдах, как «О пародии И. А. Крылова „Ветер ветра ветром гонит“».[3]

В последней заметке речь идет как будто о совсем частном, мелком историко-литературном наблюдении. Павел Наумович нашел то произведение, которое высмеял молодой Крылов в пародийной песенке, вставленной им в комедию «Сочинитель в прихожей» (1786). Сам по себе факт, установленный исследователем, любопытен и позволяет уточнить наши представления о литературных позициях Крылова-драматурга. Но Павел Наумович использует свою находку для более широких, хотя и достаточно осторожных обобщений, он объясняет особый характер пародии в XVIII в., вводит в число литературных противников Крылова Н. И. Перепечина, указывает на общую ошибку исследователей драматургии Крылова, которые «судили пьесы, написанные как пародии и памфлеты («Бешеная семья», «Сочинитель в прихожей», «Проказники») по принципам реалистической комедии — „Горя от ума“, „Ревизора“ и даже комедий Островского».[4]

Так, идя путем индукции, от частных, казалось бы, фактов к общим и обобщенным выводам и заключениям, Павел Наумович создает свою концепцию крыловского творчества, развивает перед нами свое представление о Крылове, создает свой образ его...

Есть ученые, и очень крупные, которых в первую очередь занимает выражение их собственного восприятия литературных явлений: они лучше всего чувствуют себя наедине с объектом, вне каких бы то ни было средостений; есть ученые, увлеченность которых концепциями не оставляет им ни времени, ни охоты, ни сил для должного учета фактов, особенно тех, которые противоречат их концепциям, есть, наконец, ученые, у которых уважение к факту, к литературе как таковой соединяется с широтой общественного горизонта, с умением видеть и чувствовать живое движение литературы прошлого.

К этому последнему типу ученых принадлежит и Павел Наумович. При самом глубоком уважении и интересе к новому или прочно забытому факту истории литературы — новой дате, новой

---

[3] «Русская литература», 1962, № 3, стр. 218—220.
[4] Там же, стр. 219.

атрибуции, вновь найденному произведению, новому прочтению хорошо известной специалистам вещи — Павел Наумович никогда не использует свои новации, большие и малые, свои открытия — значительные или частные — для демонстрации профессиональной ловкости или богатства личной картотеки.

Неизменная верность факту, литературной действительности, осторожное отношение к отвлеченным, эффектным, но необоснованным гипотезам заставляет Павла Наумовича снова и снова возвращаться к своим излюбленным темам и авторам.

Ломоносову, его поэтическому творчеству и литературно-общественной деятельности Павел Наумович остается верен вот уже четвертое десятилетие. Ломоносову была посвящена его докторская диссертация, ознаменовавшая собой, вслед за диссертацией Григория Александровича Гуковского о Сумарокове и его школе, создание советской науки о русской литературе XVIII в. Однако отношения между исследователем и творчеством Ломоносова на этом не прекратились. Одна за другой следуют работы Павла Наумовича о Ломоносове,[5] в которых исследуется новый материал, новый в том смысле, что и после его публикации он не был никак осмыслен и, точнее говоря, не был прочитан. Именно искусством чтения, чтения филологического, рождающего исторические, литературные, философские ассоциации, чтения, указывающего путь к связям и отношениям данного факта со всей совокупностью ранее известных явлений, — владеет в самой превосходной степени Павел Наумович. В одной из недавних своих работ о Ломоносове[6] Павел Наумович обратился к сухим, мало что говорящим документам — к спискам, в которые Ломоносов заносил названия тех книг, какие он рекомендовал для приобретения Библиотеке Академии наук. Сопоставив ломоносовские «списки» с немецкими и французскими специальными журналами, помещавшими подробные рецензии — изложения всех вновь вышедших книг научного и литературного содержания, Павел Наумович во многих случаях смог установить, на каком основании показалась данная книга Ломоносову интересной или любопытной, т. е. составить конкретное представление о направленности и характере литературных интересов Ломоносова в то время, к которому относятся эти «списки». Из анализа этих «списков» и сопоставления их с рецензиями иностранных журналов ученый сумел извлечь поразительной новизны и свежести наблюдения над интересом Ломоносова к самым различным явле-

---

[5] «Ломоносов и проблема русского литературного языка в 1740 годах» (1937), «Ломоносов и наша современность» (1945), «Ломоносов и фольклор» (1946), «Поэтическое творчество Ломоносова» (1948), «Ломоносов об ораторском искусстве» (1956), «Проблема литературного направления Ломоносова» (1962), «Литературные интересы Ломоносова» (1962).

[6] П. Н. Берков. Литературные интересы Ломоносова. — В сб.: Литературное творчество М. В. Ломоносова. Исследования и материалы. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 14—68.

ниям литературы античной, итальянской, шведской, новолатинской и даже арабской. Отправляясь от кратких записей в «списках» к возможным источникам ломоносовских сведений о тех или иных книгах, Павел Наумович на основании им добытых сведений воссоздает в новом, обогащенном виде систему литературных взглядов Ломоносова. Так «факт» оказывается не начальным или конечным пунктом литературоведческого исследования, а звеном в цепи доказательств и выводов, ступенькой в процессе бесконечного восхождения к научной истине.

Павел Наумович пришел в науку с глубоким убеждением, что литература нации создается не порывами гениев, а коллективным творчеством всего народа, всей массы безымянных деятелей, так или иначе причастных к созиданию национальной культуры. И не безликий «процесс», а пеструю, многосложную жизнь русской интеллигенции, выразительницы самосознания нации, считает он подлинным предметом своего исследования. Вот почему рядом с Ломоносовым, Фонвизиным, Сумароковым, Радищевым мы находим в его работах и таких персонажей, как предполагаемый автор — составитель «Драматического словаря» (1787) или издатель «несостоявшегося» сатирического журнала «Демокрит». Воодушевленный, подобно своим учителям и предшественникам, великой и плодотворной идеей необходимости сохранять и продолжать традиции национальной культуры, Павел Наумович с особенной любовью пишет о тех, кто осуществляет великое дело культурной преемственности, кто вооружает память нации материалами и пособиями — о библиографах, составителях каталогов и о своих товарищах по историко-литературному исследованию.

Павел Наумович сейчас, как и всегда, — в пути. Близка к завершению его новая монография — «Русско-немецкие литературные связи и взаимоотношения XI—XVIII вв.», впереди ряд новых замыслов. За вышедшим недавно «Введением в изучение русской литературы XVIII века» (1964) должны последовать как его продолжение «Источниковедение» и «Научная проблематика» истории литературы XVIII в. Вместе они составят неоценимое пособие не только для исследователя русской литературы XVIII в., но и для каждого ученого, заинтересованного в уточнении и отшлифовке методологии и методики своей исследовательской работы.

«Введение в изучение истории русской литературы XVIII века» в части, касающейся советского периода, имеет один существенный пробел: в нем сравнительно мало сказано о том, что сделал сам Павел Наумович Берков как один из создателей советской науки о литературе XVIII в.

Настоящая заметка может лишь в самой слабой степени этот ущерб возместить и выразить дань восхищения и уважения труду всей жизни нашего юбиляра.